

Александр РОДИОНОВ

Сибирь в золотом венце

Гавриил Державин никогда не был в Сибири. Однако же она занимала его воображение, и этому способствовало не только дарование поэтическое, но и та роль, которую играла Сибирь в жизни Петербурга. Державин видел и знал, что в Петропавловскую крепость на главный монетный двор страны каждый год по зимнему пути приходит несколько караванов, которые в простом обиходе называли золотыми. И еще он видел, как в императорские дворцы к Рождеству и Пасхе Христовым обязательно въезжают новые и новые чудные вазы, канделябры и столы из самоцветного камня. Вот поэтому, когда у Державина созрел замысел оперы «Рудокопы», он описал сцену, которая открывалась бы зрителю в начале театрального действия: «...театр представляет Рифейский хребет, или Уральские горы, во всем природном их ужасном великолепии. Сибирь, в образе величавой древней жены в серебряной одежде, имеющей на шее из драгоценных самородных кристаллов ожерелье, на главе золотой венец... сидит на зеленоватом яшмовом холме...»

Золотой венец на челе Сибири и золотая корона Российской империи на царственной персоне к началу девятнадцатого века так укоренились в сознании россиян, что никто уже, вероятно, и не задумывался — Россия всего сто лет назад золота своего не добывала, а императорская корона была когда-то изготовлена русскими золотокузнецами из привозного золота. Золотой голод России — явление многовековое, и, чтобы понять, с каким трудом он был преодолен, необходимо вернуться во времена Петра Великого.

Губернатор Сибири князь Гагарин долго выжидал возможность поговорить с Петром наедине. Секретарь царя Макаров помог сибирскому властителю улучшить тот случай,

когда царь никуда не поспешал, а занимался делом обстоятельным в своем летнем доме. Он листал огромный атлас в одной из угловых комнат среди ящиков и шкафов, еще не наполненных книгами. Петр с помощью библиотекаря-немца разбирал доставленную из Москвы библиотеку. Он взглянул на князя Гагарина без особой приветливости — не Сибирь, видать, заботила царя в эту минуту.

— Здравствуй, князь! — поприветствовал он Гагарина. — Что? Явился живой сибирской ведомостью?

Отвечая торопливо на слова царя, Матвей Петрович лихорадочно соображал: как же повернуть разговор, сам, видно, не в духе.

— Изъяснил я, государь мой, Алексею Васильевичу — нету при мне записных книг по Нерчинским заводам. На Москву в канцелярию уж отписано, подъячие все сыщут и доставят сюда с нарочным, — начал было изворачиваться губернатор.

Петр перебирал небольшие книжки, кратко задерживаясь на названиях. Наконец он оторвался от своего занятия и окликнул библиотекаря:

— Не нашлось?

— Нет, герр Питер.

— Тогда ищите в зимнем доме.

Гагарин облегченно вздохнул, можно говорить наедине.

— А без записных книг ты слаб на память, князь? Слаб, — сказал царь, ощупывая корешки книг прямо в ящиках. — Или у тебя в губернии таких заводов, как Нерчинский, кошой десяток? Помнить бы тебе надлежало о серебре все — до золотника! Ого! Вот они! Сыскались атласы, — обрадованно воскликнул государь и стал одну за другой извлекать на свет большие книги. — Вот это и надобно!

С этими словами он стал быстро-быстро перелистывать карты и, нашедши нужную, надолго замолк. Потом коротко приказал денщику:

— Трубку!

Она была тут же подана, и царь, окутываясь облачком дыма, продолжал разглядывать пятинышки островов на карте. Гагарин терпеливо молчал. Трубка у Петра погасла, и он, не отрываясь от листа, протянул ее денщику:

— Набей и раскури!

Гагарин опередил денщика и отошел с трубкой царя к столу, где стоял табачный ларец. Там он зачем-то пошарил за пазухой и стал набивать трубку. Обходя ящики, вернулся к Петру:

— Изволь, Петр Алексеевич, нашего табачку, азиатского...

Царь, не глядя, принял трубку, не обращая внимания на непривычную тяжесть носогрелки, нетерпеливо сунул ее под кустики усов. Трубка не дымилась. Царь покосился — почему табак не тлеет, не горит и выкатил глазницы на Гагарина:

— Ты что, каналья, там в Сибири трубку разучился раскуривать?

— Как же можно, Петр Алексеевич, государь мой! Курим! Раскуриваем! Это у нас табак такой пошел — эркецкой...

Матвей Петрович извлек из-за пазухи кожаный мешочек.

— Что еще за табак эркецкой! — в сердцах воскликнул Петр и ударил холодной трубкой по ладони. В ложбине царевой руки вперемишку с крошками табака враз образовалась желтая сыпучая горка. Петр приблизился к свече и, понюхав горку в ладони, обернулся к Гагарину, сверкая зрачками:

— Горазд! Горазд, каналья! Золото сибирское?

— Эркецкое, Петр Алексеевич...

— Не загадывая загадки. Место сие где?

— В Малой Бухарии, государь.

— А на карте укажешь ту землю?

— Коли такая карта есть — укажу, — ответил Гагарин, обретая уверенность.

Петр тут же послал денщика за библиотекарем. Пусть ищет не атласы побережных шведских и финских земель, а карту Малой Бухарии. А Гагарина позвал наверх, в отдельную комнату.

— Как же так? Ни один воевода сибирский, допрежь тебя, не докладывал мне о бухарском золоте песошном.

— До меня, государь, калмыцкие караваны в Тобольск торговать не допускались. По-неже, они с мехами и с иными заповедными товарами мошенством занимались. Торги шли на Ямыш-озере или в Тарском городке.

— А это в Тобольске сторговал? — кивнул Петр на мешочек с золотом.

— Сыскал я на тобольском посольском дворе эркецкого жителя, ушел он после разорения Эркета калмыками.

— Выспросил его — водяной ход в Эркет имеется?

— Сказал на реке Дарье тот город.

— Куда ж течет та река?

— Этого неведомо, винысь, Петр Алексеевич.

— А сколь ходу до тех мест?

— От Тобольска до Тары — пять дней. А от Тары до Эркета доходят торговые люди

нескорою ездою в полтретья месяца. Идут конными и верблюдами. Водяного ходу они не имеют, незаобычны к тому. По сказкам того эркецкого жителя выходит, что берут они золото весной, застывая кошками затопленный берег. Ток воды несет с собой промеж прочих хрущов и золото. А в другое время уходят с той реки к озеру, где-то поблизости китайской стены оно, там промышляют. Но есть еще одно известие — все реки в калмыках, где промышляют золото, истекают с горы Мустаг. Об этом я слышал от бухарских торговцев...

— Об этом я известен, — перебил царь Гагарина. — А вот за поминоком с Дарьи-реки — благодарствуй. Ты, пока вез его сюда, уже и домыслить успел: как нам тех земель достигать?

— Мыслил. Марсовых акций не избежать, государь.

— Как же ты с калмыками управишься? Они у тебя под носом Бикатунскую фортецию спалили!

— А на этот случай поставить на Ямыш-озере первую крепость и дале-выше — тож крепостями по Иртышу обставить. Говорили мне дьяки из Сибирского приказа, попадалась им грамотка с просьбой от Далай-тайши о возведении нашей крепости на устье реки Оми.

Петр помолчал и глянул на Гагарина испытующе:

— Полтретья месяца пути. Это сколько же фортеций! Да и много ли его там? — Царь кивнул на кожаный мешочек с золотом.

— Эркецкие сказывают — окрестные жители платят таким золотом алман их контайше. Стало быть, добывают песка довольное число...

— У хивинского посланника надо справиться, — размышляя как будто о чем-то стороннем, проговорил Петр и, поднимаясь, сказал Гагарину: — Ты, князь, не медля, подай мне доношение. Все изложи: каков путь, сколь фортеций, какие в них гарнизоны мыслишь. Понял я — сколь надобен тебе партикулярный случай для беседы. — Петр подбросил на ладони мешочек с золотом. — Лист подать Макарову. Да гляди: ни в сенате, ни в прочих местах о бухарском песке ни слова.

Сдержанность царя в беседе с Гагариным объяснение имела. На утро он велел пригласить к себе хивинского посланника. Всего несколько месяцев назад тот, повествуя о богатствах по берегам Аму-Дарьи, среди прочих называл золотой песок. Царю надо было увериться — не о таком ли песке, что доставлен губернатором сибирским, говорил хивинский посланник. Без тени сомнения тот закивал головой, переливая из ладони в ладонь золотую струйку. «Пусть он хорошенько отряхнет руки», — велел Петр толмачу и, когда посланник выполнил это, царь вручил хивинцу рубль-новодел, отчеканенный из заморского серебра. Затем тут же вызвал инженера Блюгера и, указав на гагаринский мешочек, велел:

— Должно определить — сколь тут чисто-

го золота. Без меня не плавить! К вечеру наведаться.

Блюгер без слов забрал песок и удалился в артиллерийскую на Кронверке лабораторию, где варились, выпаривались и мололись все мудрые приправы для фейерверков.

В конце дня Петр, пригнувшись, вошел в лабораторию и уселся поближе к огню.

— Все готово, государи! — доложил Блюгер. — Прикажете плавить?

— Сколько всего песку?

— Полтора фунта.

— Полфунта в куншткамору, фунт — плавить.

Блюгер отвесил назначенный фунт и всыпал песок в тигель.

Сидя у огня и попыхивая трубкой, Петр глядел, как сизый табачный дым свивается с грязной гарью, потянувшейся из тигля. Царь вспомнил еще раз беседу с хивинским посланником и донесение губернатора Чирикова из Астрахани. А в них говорилось о туркменах, сообщавших, что узбекские ханы, желая отвлечь пристешиве русских на Аму-Дарью, где имеется золотой песок, отгородили от Каспия ту реку плотиной. Туркмены просили взять их под руку белого царя и Аму-Дарью повернуть так, чтобы она текла не в Оральское море, а через их туркменские земли в Каспийское по стародавнему руслу, именуемому Узбой. В клубящемся над тиглем дыму Петру уже виделись его корабли, входящие в устье той неведомой Аму-Дарьи, и далее, далее вверх по ней — до воцеленной Индии... И там же, где-то на этом пути, стоит известный теперь город Эркет, а окрестные инородцы простой кошмой улавливают из реки золото.

Желтый песок в тигле стал оседать и покрывался черной окалиной. Блюгер выждал с четверть часа и дотронулся до черноты плоской лопаточкой. Чернота тяжело и зыбко колынулась.

— Пригар невозможно допустить, — сказал инженер и разгреб уголья, сбивая огонь. Затем, проверяя, нет ли видимого золота в шлаке, пропек его в малом тигельке и, удостоверившись, что шлак без золота, стал собирать серую окалину с подрагивающей поверхности воронки. И наконец лопаточка обнажила содержимое тигля — брызнуло оттуда расплавленной ярью и тяжелой желтизной.

Дали тиглю остыть. Выбили слиток. Блюгер положил его, еще тепленький, на весы.

— Двадцать восемь лотов, государи! — воскликнул инженер.

— Хорош песочек! — ощерился в довольной улыбке царь.

— Истинно хорош! — подхватил инженер. — Подобный доводилось мне плавить в саксонских пробирнях. Но тот песок был из Нового света. А сей?

— Сей будет с нашего света! — ответил Петр и нахлобучил войлочную шляпу на маленькую свою головку.

Как ни дотошен был немец-библиотекар, но и его прилежность перед развалами

царской библиотеки, насчитывавшей более полутора тысяч книг, оказалась бессильной. И вовсе не потому, что библиотекар был малосведущ. Он не мог найти карты джунгарских владений по простой причине — таковой у Петра не было. И потому царю пришлось держать лишь в воображении план Гагарина и его конечную цель — неведомый город Эркет.

Что же заставило русского царя обратить свои помыслы в столь далекие пределы? Только ли давняя мечта — найти торговые пути в Индию — владела им, когда он выступил сибирского губернатора и сравнивал его слова с речами туркмена Ходжи-Нефеса, обещавшего в верховьях Аму-Дарьи золотые горы. Менее всего Петра можно упрекнуть в однослойности замысла: только торговый путь или только достижение золотых россыпей. Скорее — и то, и другое. И Петра — Великого Авантюриста — не смущало расстояние — ведь богатства лежат в чужих землях! Мнилось — достаточно склонить под свою руку ханов хивинского и бухарского, а с калмыцким контайшой он сумеет договориться полюбовно. Видно будет контайше — не владеть страной и народом пойдут Петровы люди, а всего лишь добывать руды драгоценные, потребность в которых так яростно обнажал каждый день Северной войны.

Петр получил трон государства, не добывавшего никогда, за все семь веков своей истории, никаких драгоценных металлов. Властелин самодержавный над своими подданными — любого денщика Петр мог возвысить до фельдмаршала, — царь был бессилен в рудном осмыслении огромных пространств разбухавшего государства. Монархья воля, воплощаясь в казацкие отряды и экспедиции, как бы скользила и перекатывалась по поверхности Сибири, еще не способная заглянуть в глубь обретенных земель и недр. Отчаявшись найти валютный металл в недрах земных, Петр раз за разом с помощью реформ принимался жестоко орудовать в недрах мужицкого хозяйства, извлекая из него тщедушные копейки и великомучительные рубли, из которых складывалась государственная казна. Вспомним предание, как явился убогий царь-вояка к хранителю наследных сокровищ Ромадановскому. Но и того, что припас впрок Алексей Михайлович, хватило ненадолго. Все провоевывалось! И как только накатывались на Петра приступы серебряного и золотого голода, он все отчаяннее пытался любыми средствами уйти от злополучного недуга — разрушить состояние валютной немоты своей земли. Наследственность русских царей сидела в Петре неизлечимо. Все его предшественники кто решительней, кто слабее, старались заставить своих людишек приискывать руду золотую и серебряную. Несколькими поколениями царей, правивших Россией, с 1564 года поглядывали на карту Герберштейна, где над восточными отрогами Урала красовалась полумифическая фигура «Златой бабы». Но бабенка оказалась привередливой и точного места своего земного происхождения не открывала.

...Пытал свое счастье в рудном поиске

енисейский посадский человек Петр Свечник на устье реки Сым, да не засияло оно. На это устье Кириян Ульянов и Яков Карела не пошли, а подались из Енисейска на восток — к Нерчинску. Тут бы и сказать, что плавильщику Ульянову и серебрянику Кареле в те годы не повезло, а подфартило через двадцать лет совсем иному человеку — греку Александру Левандиани. Но надо взглянуть, хотя бы кратко, каким путем шел к Нерчинску грек и кто ему предшествовал, а для этого придется вспомнить о посольстве адмирала Федора Александровича Головина в Даурскую землю. В Нерчинске его встречал воевода Иван Остафьев сын Власев. И, видать, посчитал воевода, что адмирал имеет только посольский интерес в его земле, а такая малость, как приезд тунгусов Аракши и Машии с рудным камнем в тороках, государева посла не должна касаться. А может быть, и лукавил воевода, поскольку знал, — в составе посольства пришел знаток рудоплавильного ремесла, иноземец Лаврентий Нейгарт, управлявший до того Казанским медеплавильным заводом. Лаврентий беседовал с Иваном столь задушевно, что Иван, растаяв, попросил расплавить доставленные тунгусами камни, обретенные на старых богдойских ямах. Пока адмирал Головин вскипал и остывал на переговорах о границе с посланниками Поднебесной империи, Лаврентий плавил руду. И серебряный знак в ней нашелся! Да не нашлось смелости показать плод рудоплавильного таинства Головину. Однако вездущий адмирал неким образом проведя о тайной плавке серебра, и поручик Лаврентий Нейгарт был публично высечен. Головин со свитой покинул Нерчинск, а тунгусы-рудоискатели так и остались в недоумении — что же сокрыто в тех блестящих камнях? Они пребывали в неведении еще более десяти лет, пока не вызвали их в Нерчинск, чтобы тунгусы предстали перед греком Левандиани и споспешествовали ему в поисках. У Левандиани путь к нерчинским рудам был не прямоезжий. Петр посылал его в окрестности Томска — на речку Каштак — проверить заявку на серебро томского воеводы Ржевского. Ходила та каштакская руда на пробирный анализ даже в Амстердам. Петр Великий испытывал великое недоверие к анализам своих мастеров и поэтому положил на Николая Витзена. Царь сообщил в Томск: «...из Амстердама писал бургомистр Николай Витзен о томской руде, которую ты прислал, что по опыту мастеров добрых в Амстердаме вышла из полчетверти золотника руды самая малая частичка и что та руда небогата, но что-де мастер объявил, что глубже будет лучше...»

На Каштаке партия Левандиани успешно начала строить завод, бить шахту, но дело было прервано повсютом стрел. Едва начатый острый и завод окружили воинственно настроенные аборигены, быстро сообразившие, что за люди пришли в тайгу, и «...Левандиани написал Петру I: «...наше сие художество со страхом и войною не может совершаться, нам надо копать в горах, а нас убивают...» Начатые строения на Каштаке

кочевники спалили, как только партия Левандиани скрылась в тайге.

От Томска до Нерчинска в те поры дорога была немалая и не в любое время года проезжая. Между Красноярском и Иркутском зимника вообще не было, ходили реками. Так что прибыл Левандиани в Нерчинск только к осени 1704 года. Печь для плавки руды на Серебрянке он выкалывал сам, на свой, никому в Сибири не ведомый манер. Но прежде отыскали ему братьев тунгусов, и они, в который раз уже за последние двадцать пять лет, указали царским людям место — ткнули носом — здесь родилось серебро! Команда Левандиани накопала в том году около шестидесяти пудов руды, и в толстенной саженой печи выплавил грек восемь пудов серебристого свинца, а из него выделил и чистый металл, за которым было решающее слово: быть или не быть руднику на Серебрянке. Даже при великой дороговизне — пуд серебра обходился более двухсот рублей — было решено дело не ограничивать пробной плавкой. Через два года уже попыхивали дымком десять толстобоких горнов, укрытых навесами, вокруг плавлен выросли рудные и угольные амбары, жилые избы, поварни, бани. И на замену Левандиани был прислан из Петербурга рудоплавильщик, тоже грек, Семен Григорьев с сыном. Дело в Нерчинске налаживалось, и надо было его расширять, что и попытался предпринять сибирский губернатор Гагарин, направляя в Забайкалье пленного шведа Петра Дамеса, знакомого с плавкой руд. Две металлургических культуры, два разных обхождения с плавильными печами пересекаются в Нерчинске: греческая и шведская. Иноземцы учат русских мужиков Ивана Киселева, Дмитрия Репинского и Кузьму Шапошникову извлекать из «блэйглянца» серебро, но дела идут мешкотно. И вовсе не по причине тугодумия учеников.

Посланный Петром для обозрения Сибирских заводов инженер Блюгер рассмотрел, как мужики по колено в воде выворачивают киркой глыбы руды в Троицкой, Богатой и Успенской ямах на речке Серебрянке, нагляделся — скуден неумело выжженный древесный уголь — и убедился: малыми людьми завода не поднять. По возвращении в Петербург Блюгер составил доносение и поднял его в сенат. Инженер предлагал населить край не только рабочим людом, но и земледельцами. Необходимо ставить дело так, чтобы и руда, и уголь были всегда в готовности — горны простаивают. Надо заводить пашни — хлеб привозной. Сенат спросил — скоро ли окупятся расходы? «Через несколько лет», — ответил инженер. Но царедворцам требовался прибыток сиюминутный. Привыкнув за полтора века драть с Сибири шкуру мягкой рухляди — меха, оборачивающиеся на европейских торгах чистоганом, метрополия не желала вкладывать в сибирское дело рубли, которые тут же не возвращались прибылью. Новозаведение Петра — Сенат — унаследовал все пороки прежнего захребетного отношения к Сибири, и даже самого Петра трудно понять в си-

туации с нерчинским серебром. Ведь еще в первые годы восемнадцатого столетия не без ведома Петра воеводы всех российских городов, и сибирских в первую очередь, получили указание: «А кто серебряную руду богатую и зело прибыльную и прочную глубокую сыщет... тому из казны великого государя дано будет денег 1000 рублей...» И вот она нашлась. Но, видимо, и не прочная, и не глубокая, а стало быть, и не прибыльная. А может быть, нерчинские находки на время заслонили мечтания о бухарском песочном золоте.

В конце 1715 года Акинфий Демидов, оставив на приказчиков Невьянский завод, собрался в первопрестольную для встречи с отцом. Об этом был уговор еще ранней осенью, когда глашатаи под гром холостой пальбы разнесли по стране весть — у государя родился наследник.

Демидовы готовились ехать в Петербург поздравлять царя и царицу. С пустыми руками поздравлять венценосных никто не ходил. Проворный Акинфий обо всем позаботился загодя, приказал пленному шведу, лучшему на своем заводе столяру, изготовить большой плоский ящик и обить его внутри мягкой тканью. Когда Акинфий в замоскворецком доме отца щегольски отбросил легкую золотистого дерева крышку, даже видавший виды Никита Демидыч ахнул. На синем двоеморовом бархате мерцало золото. Старик второпях выпалил:

— Нашел-таки?

Акинфий изподлобья глянул на отца, ухмыльнулся и коротко бросил:

— Не, папаня. Не нашел еще. Купил... Что я — умом покривился? Разве можно везти царю то, что и по сей день не приискано!

Никита Демидыч нахмурился, понимая, что он недооценил сыновней предусмотрительности и осторожности. На бархате, утопая в тонком ворсе, лежали какие-то фигуры животных, птиц, хитровитые бляхи и застежки. Окинув все это придирчивым глазом и покачавшись над подарком, старик заключил:

— Да-а-а. Купил, купил ты меня, сынок. Золото у тебя могильное. Как раз государю — любит он, страсть как любит, такие редкости.

— Хоть государю, хоть государыне — лишь бы глаз от нас не воротили, — ответил отцу Акинфий, закрывая крышку приготовленного «на зубок» подношения. — А ведь везю, папаня, везти такое Петру Алексеевичу.

— Чево ты забоялся?

— Он, как пить дать, спросит: откуда золото?

— Так я и отвечу — в Ирбите купил.

Младший Демидов почти верно предсказал. В Петербурге царь едва увидел золотые вещи, завращал глазами, зыряка то на Демидовых, то на Якова Брюса, то на сибирского губернатора Матвея Гагарина, который старался заглянуть в ящик из-за плеча генералфельдцейхмейстера. Не глядя на Гагарина, Петр сказал ему недоумевая:

— Чай сговорились с Демидычем? Сходно, весьма сходно с твоим презентом...

Демидов и Гагарин переглянулись — о чем сговорились? Никита Демидыч и сын его не знали о том, что губернатор сибирский уже сделал свое подношение царю, и это тоже было могильное золото, доставленное в Тобольск из киргизской степи. А Петр принялся расспрашивать — где и у кого куплены фигуры оленей, барсов чудовищных, впрямь курioзных, животин с телом ящерицы и головой льва... Услышав в ответ краткое: «В Ирбите...», царь стал тормошить старика Демидова и громко сетовать: что ж ты, туляк, не удосужился расспросить безвестных продавцов — откуда оно, это золото? Из каких мест? Никита Демидыч виновато отмалчивался, не признаваясь царю в том, что это приобретение не его, а сына. На Урале Акинфий распоряжается.

Царя успокоил неторопливый Брюс. Он поднес к окну одну вещицу, поигрывая бликами на золотой гриве коня, на одежде золотого всадника. И, как бы мимоходом, обронил: лицо-то у всадника калмыцкое...

Петр подмигнул Гагарину, понимающе стрельнул глазами в Брюса, приобнял его, а тот, не очень настойчиво увертываясь, уже держал в руках золотую фигурку птицы, туловом смахивающую на льва, но крылатого. Поворачивая перед царем это золотое страшилище, это порождение чужеродного бестиария, шотландец заговорил по-гречески. Царь, да и все вокруг, ничего не понимали. Царь затих и ждал, зная замашку своего сподвижника: Брюс должен выговориться. Наконец Брюс заговорил по-русски:

— Историк Иродот в своих сочинениях говорит о некоторых исседонах, над которыми к северу живут аримасы — люди с одним глазом во лбу. Выше тех аримасов расселяются грифы-золотохранители...

Брюс замолк и сблизил две золотые вещицы: всадник калмыцкого облича оказался обращен к грифону, повернутому клювом на восток. Любитель всевозможных иносказаний, Петр все понял и оглянулся в сторону сибирского губернатора:

— Есть ли вести от полковника Бухольца? Опричь тех, что были Макарову из Тобольска?

— Нет, государь, не поспели новости к моему отбытию. Но уповаю, что он теперь уже и ошанцеваться успел и бастионы строит на Ямыш-озере, а известия о том, видит бог, в дороге.

— Во всем ли он был достаточен перед выступлением?

— Аммуничное и довольствие — все сполна. Вот одного не нашли — священника. Но пошлем вдогон, весной.

— Эх, губернатор! Гляжу — проворонишь ты тихое время! Подполковнику вместо похода в верхи Иртыша зимовать в фортеции придется. Как же ты так мешкотливо?

— На все воля божья, государь, — потупился Гагарин и добавил: — И вашего величества...

— Воля моя простая — ты о ней раньше других сведом: быть на той реке Дарье. Вот

Демидыч с сыном каковы — лучшее железо куют! А тебе велено попечься об ином. И пока мирен калмыцкий контайша, куй свое дело, чтоб иные не опередили.

Демидовы, коротко взглядывая друг на друга, молча слушали, как бы и не собираясь вступать в разговор столь высоких персон.

— Кую, государь, кую. Доставили мне письмо от дворянина Трушникова — был он возле китайского города Селима и далее прошел. Песком золотым Трушников разжил-ся... — Подстроился губернатор сибирский к тону царя.

— А ведь может статься, ваше величество! — глуховатым от робости голосом негромко дал о себе знать младший Демидов. — Может, и не надобно будет в столь далекие земли ходить... Может, и в Сибири, чай места малотоптанные рудознамями, откроются какие подобные руды...

Царь быстро глянул в сторону Демидовых, но его отвлек Брюс:

— Государь, коли упомянут город Селим, то у древних авторов, у Лукануса встречал я такие слова... «та река, текущая от аримаспов, несет с собой золото». Так не о той ли реке — о Дарье, здесь упомянутой, говорит Луканус?

Ответ Петра приобрел оборот неожидан-ный:

— Когда жил Луканус?

— Во втором веке по Рождеству Христо-ву...

— Луканус знал! Мы чрез пять на десять веков узнали! — почти вскричал Петр. — И все еще не вычерпано то золото. Стало быть, и на наш век достанет, коли Бухольц вкупе с Бековичем не подкачают. Виват, друзья мои!

Вельможи рассыпали звон бокалов вокруг царя.

Гости с подношениями «на зубок» толпились вокруг зимнего дома счастливого отца отечества, ожидая своей очереди. Денщики втащили в покои царя очередной ушат с вод-кой.

Демидовы отгуляли, отпраздновали рождение Петра Петровича и вернулись вместе в Москву, а оттуда разъехались в разные стороны. Старший в Тулу, младший в Невьянск. Но прежде чем они разъехались, между ними произошел разговор примечательный. Демидов-старший в который раз уже укорял сына за дерзость в присутствии государя:

— Какой нечистый тебя за язык дергал говорить о каком-то серебре, о золоте сибирском. Ишь, похвальбу выказал! Не даст теперь царь спуска. Заикнулись — ищите! И будете в должниках повеку ходить...

Акинфий долго отмалчивался, уважая отцовское слово, но на прощанье не выдержал:

— Помнишь ли, папаня, как спрашивал государь наш про полковника Бухольца?

— Ну так что?

— А проходил тот Бухольц через Невьянский завод, и я с ним беседу имел. Он рудных мастеров выискивал. Куда направляется — не сказал. Теперь понял я — на Иртыш пошел. А с ним, тоболяки известили меня, вой-

ска тыщи с три отправлено. Да еще башкирцев конных прибрали сотен пять.

— Да, люди у царя не меряны. Кабы те три тыщи да в рудокопную работу! — перебил Никита Демидыч сына.

— Может, и станут солдаты в рудокопную работу, да чаю, не дойдет до такого дела. Старики поморского согласия недавно из степей вернулись, поговаривали — больно много киргизов по степям в кочевьях за Иртышом.

— Что за старики?

— Захаживают ко мне некие стараннички, — загадочно произнес Акинфий, доставая малый сверточек из внутреннего кармана. — Вот заходят страннички и приносят кой-чего. Глянь сам.

Акинфий протянул отцу корявый, покрытый чернью и темной охрой предмет, чуть блестящий в изломе — будто ножом кто по-строгал.

— Для чего ты мне шлак суешь, — рассердился было отец, но приняв обломок в руки, замолк. Понял — тяжеловат для шлака кусочек. Покачал-покачал в руке, глянул на ноздреватый излом и спросил:

— Твердо ли место выведаль?

Акинфий в ответ помотал головой и объяснил:

— Потому и не стал его величества раз-задоривать. Серебро сие саморождающееся. Есть и вместе с золотом сростки. А откуда — неведомо. Странники мои будто бы нашли сию малую толику в сумке мертвого киргиза на том берегу Иртыша. Ничего более я у них не смог выпытать.

Демидов-старший пожевал воздух губами, собираясь с мыслями и посмотрел на сына:

— Кто его знает, а вдруг прав этот колдун Брюс? Ты вспомни, вспомни хорошенько, что он говорил, когда ту золотую рогатую птицу на восток солнца клювом поворачивал!

Подполковник Бухольц с двумя полками и пятью сотнями драгун, двигаясь вверх по Иртышу, достиг Ямыш-озера на исходе октября. Вместе с экспедицией из Тобольска двигались джунгарские торговцы и посланники контайши, никак не выказывая своего отношения к пушкам уральского литья, тяжело осадившим в воду прогониные дощаники. Два десятка этих посудин тут же на берегу были разобрано — из них принялись строить амбары под провиант и жилье в контуре намеченного подполковником крепостного вала. В ноябре из степи подоспели контайшины посланники с вопросом: «Будете ли нас воевать?» Бухольц успокоил джунгар, и сразу же от них последовали подарки: из окрестных далеких улусов, плативших дань контайше, было пригнано полсотни быков и сотня баранов. В русских котлах забулькала степное варево — стороны были обоюдодобры. Как пишет об этом тобольский летописец, ямщик Черепанов: «...в феврале под видом купечества на пристань Ямыш стали калмыки. И господина полковника они весьма одарили и просили господина полковника о свободном

въезде в ту новопостроенную крепость, что им без дальнего труда и дозволено...»

Уже зима во всей силе и жестокости властвовала вокруг, когда Бухольц, однажды ночью расторможенный караульным, узнал — крепость окружена джунгарами. Черепанов записал: «И так неприятель получил себе первое счастье: скрал караул, отогнал драгунских лошадей, а караул, который хотел противиться, тот прибил, иных в полон брал... Калмыки вошли в крепость, подходили к избушкам, будили солдат и кричали по-русски: «Вставай, урус, пора пиво пить». Полковник тогда еще не чаял, что это неприятель... Бой шел всю ночь». Кочевники успели захватить несколько амбаров с мукой. Спасли гарнизон бомбы, которых калмыки не знали. Черепанов свидетельствует: «Как она бомба падет на землю, то они войлоками на нее наметут и нападут наверх человек 10 или 20, и так задавить тщались. И так их побито было немало и неприятель тогда рассмотрел свою погибель. Стали отбегать от бомб. А в амбарах, где калмыки засели, пустили бомб не могли, для того, что бомбардиров мастерству были неискусны. Больше бомб метали на удачу, нежели как надобно. Но двумя бомбами, по счастью, в амбары угодили, неприятеля выбили, отчего неприятель пришел в робость...»

Условия подступившего к Ямышевской крепости тайши Черен-Дондука были краткими: крепость развалить, срыть, а русским уйти восвояси. Вся дипломатия Бухольца, построенная на утверждении: «не воевать идем, а золото добывать», наткнулась на непроницаемое кольцо кочевников. Ни один из посланных солдат до Тобольска не добрался. Тайша ловил всех лазутчиков и настаивал: уходите, иначе передохнете с голоду. Черен-Дондук подзадливал над ямышевским гарнизоном всласть. Перехватил ничего не подозревавшую об осаде подмогу из Тобольска, и провиантский караван вместе с охраной из четырехсот казаков под конвоем всадников Черен-Дондука проследовал мимо недостроенных бастионов крепости и ее изможденных защитников. Людей Бухольца начал косить голод, цинга и еще какая-то неведомая зараза, при которой тело покрывалось зловонными нарывами. Наконец, когда из трех тысяч, отправлявшихся за песошным золотом в Малую Бухарию, оставалась в живых всего треть, Бухольц крепость сдал. По апрельскому Иртышу покатались ошметки экспедиции к Тобольску, ожидал суда и расправы за нерадивое ратобойство. Но долго еще, и пять, и десять лет спустя, выходили из степной неволи казаки и драгуны, захваченные в плен под Ямышевской крепостью.

За три тысячи верст от Иртыша, в окрестностях Хивы, трагедия петровских авантюрных замыслов повторилась куда в больших размерах. Вся экспедиция капитана Бековича-Черкасского, нацеленная, так же как и бухольцевская, на захват золота эркетских роседей, погибла. Она была предана с первых недель пути. Сопровождавшие Бековича волжские калмыки, посланные ханом Аюкой, на подходе к Аралу в одну из ночей исчезли. Все было обдумано еще в ставке

Аюки, и расчет хана был мстительно-точен, а корни коварства уходили в глубину семнадцатого столетия. Предок Аюки-хана — Хо-Урлюк в 1644 году был наголову разбит в Кабарде. Из десяти тысяч калмыков, перешедших Терек, тогда уцелела едва ли десятая часть. Погиб не только Урлюк, но и несколько ханских сыновей. А князь Бекович имел кабардинскую родословную. Но прямо мстить ему было нельзя — он послан русским царем, которому Аюка-хан уже трижды присягал на верность и дважды нарушал эту клятву. Лучше отомстить руками хивинского хана Ширгази — русские идут покорять Хиву! После первой стычки, в которой русские одержали верх, у Ширгази хватило хитрости не воевать в прямом бою, а предложить русским мир и проводить их до Хивы. Но такое войско трудно кормить и поить в песках, надо разделить на части и двигаться к городу малыми отрядами... Петровская клешня, нацеленная на эркетское золото, расщепилась на несколько хлипких составляющих. Благородный по крови, но неблагоприятно выглядевший перед хивинцами «дипломат» Бекович — войска с «дипломатом» четыре тысячи! — не внял предостережениям командиров полков, а через день разобщенное войнство было окружено и перебито. Чудом спасшиеся свидетели побоища в пустыне под Хивой, добравшись кое-как до Астрахани, поведали о гибели Бековича и всей его экспедиции.

Итак, к 1717 году две тонкие и хилые клешни, направлявшиеся царем в глубь Азии для захвата эркетского песошного золота, оказались обрубленными. Стратегическая операция типа «охват» лишилась хватательных органов. Однако Петр Великий, утверждавший самодержавное величие великой кровью, на этом не успокоился. Через год была восстановлена Бикатунская крепость, а по восточному берегу Иртыша, словно частокот, вбитый в почву новым хозяином, появились крепости Омская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-Каменогорская, промежутки между ними заполнились форпостами, маяками и казачьими пикетами. Алтай стараниями сибирского губернатора Гагарина оказался отгороженным от Великой степи. Джунгарам было не до Алтайских предгорий, поскольку их изматывали полки, пришедшие с манчжурского востока. Император Канси мстил контайше за его прежние победы над китайцами. А на Алтае воцарилось краткое затишье. До выхода в горы Колыванского хребта уральского заводчику Акинфию Демидову оставалось пять лет. Но в этот отрезок времениместились известная часть судьбы русского рудознатца Степана Костылева и его товарищей.

Степан сидел на склоне горюшки, привалясь спиной к замшелому рябому камню. Тень невысокой сосны, чудом выросшей на лысой маковке скалы, поползла по склону, и, когда Степан стряхнул навалившуюся дрему, тень уже накрыла его, стало зябко и неприятно. Он перебрался на солнечное место и отметил про себя, что отсюда даже способнее

будет наблюдать за берегом реки, ухидившей к подножию одинокой горы, надломившей спокойный горизонт. Степану сверху было видно, где река троилась, и по этим притокам два дня назад ушли его спутники. Расходясь, уговорились, что будут идти вверх с подробным осмотром берегов два дня, а потом вернуться сюда, к развилке. Это была последняя река, которую они решили осмотреть перед выходом из гор. Уже нельзя было откладывать возвращения — зарев было на исходе, а пока доберутся, Бог даст, до Белоярской крепости, не менее двух седмиц минует. А там и до Томска надо подаваться.

Когда Степан с Михайлом Волковым год назад появился в Белоярской, приказчик крепости Серебренников ни в какую не хотел их принимать на зимовку, твердя, что не велено кузнецким комендантом принимать пришлых из сибирских городков и острогов. Поерепенился Серебренников, а потом как будто передумал. Крепость была совсем новая, только-только срубили три башни, а четвертая стояла недостроенной. Приказчик и посадил их в эту недостроенную клетку под караул, пообещав спровадить их в Кузнецк к самому коменданту Синявину. Словом, просились рудознатцы, влипли. Серебренников подступал к ним с расспросами неделю кряду, все хотел вызнать у пришлых: куда и зачем направляются, коли зимовать хотели. Михайло Волков повторил одно: есть им со Степаном указ от томского коменданта Василия Козлова пройти до реки Алей, а может, и до Чарыша и оглядеть береговой камень — нет ли там интереса государева по рудной нужде... Степан в этот разговор не вступал, хотя знал и помнил, что наказывал комендант перед выходом из Томска. Нет, не о берегах рек и не о камнях он говорил. Знал Степан и помалкивал, а Михайло твердил одно: «Идем к Алею...» На такие слова Серебренников распускал ряшку и похохатывал: «А то Василья не знает — какие камушки по Алею!.. Сплошь замулягу вода несет, будто где-то сверху черти глину месят». Белоярский приказчик похаживал по толстым тесаным половицам и, глядя в угол, где на корточках сидели арестованные, продолжал с издевкой: «А то вашему Козлову память отшибло. И вам вместе с ним? А царский указ — за межу не ходить! Он не про вас писан? А межа, она теперь — вот тут!» И Серебренников притопывал красным сапогом и похаживал, похаживал, довольный своим рассуждением и голосом. Белоярские казаки приходилось рыскать по чащобам, по оврагам, пускаясь по приказу Синявина на розыски русских беглых. Еще, неровен час, и за этими придется полкаться...

Костылев и Волков ушли из крепости, когда все уже свыклись с мыслью, что эти двое никуда не денутся, а послушно дождут-

ся отправки в Кузнецк. Уходя, сманили с собой одного белоярца — Федю Комара. Серебренников смекнул горюпливо: коли мужики говорили про Алей, стало быть, искать их нужно по левому берегу Оби. Снярядил погоню, но она пошла в безлюдное и неохватное глазом пространство степи и вернулась ни с чем. А беглецы поднялись на крутой обской яр ниже устья Алея верст за сто и ушли в Касмалинский бор. Через месяц блужданий повстречались с промысловой братией и, коль уж зима на носу, то решили никуда от промысловых не уходить, а белковать телеутку вместе с ними.

Едва начал проседать и подтаивать снег, еще по насту вышли они из Касмалинского бора и направились к югу. За зиму мужики сдружились тесней-тесного, и Степан без утайки рассказал Федору и Михайле, куда и для чего направил его из Томска комендант Василий Козлов. Доверено было Костылеву собрать малую ватагу из вольных людей для бутурованья за Обью. Степные курганы, о золоте из которых вести дошли до Козлова, мешали коменданту спать — в него вселился бес-златолюбец. И еще более пришел в азарт томский комендант, когда узнал, что Костылев уже бутуровал, копал курганы, и не один год, в зайрышской степи. Однако не ведал Козлов — задолго до выхода на Обь Костылев сошелся с телеутскими людьми, и так ему подфартило, так выпало — видел у них не могильное золото, а корявые обломки его, похожие на причудливые корешки, то на источенные червем зерна размером поболее и поменьше гороховых. В Томске и услышал он о тех местах, где такой горох рассыпан: по Алею, по Чарышу.

...Волков и Федя Комар вышли к развилке реки почти в один час. Степан выжидающе глянул на их котомки, но то, что мужики извлекли из холщовых недр, порадовало мало. Камни, правда, были не первопопавшиеся — пестрые от радужных налетов, но в изломе — обычные, какими усыпаны здешние речки. У Степана в котомке оказалось побогаче. Он набрал на вывороченную березу возле какой-то оплывшей ямины и в корнях выворотня увидел оббитые древесной паутиной камни с глубокой прозелью. Увесистые были камешки.

Выходя из предгорий по нитке Чарыша, рудоискатели задержались на ночлег у самого уступа Алтайских гор подле сопки, вострушкой торчавшей над рекой. Ниже ее Чарыш шел волно, не теснясь меж лиловых скал. Вечереющий воздух дымчато тек над равниной необъятной небесной рекой, и в косых лучах заходившего солнца хорошо был виден одинокий курган. Степан указал на него:

— Ждет кого-то. Дождется. И его распотрошат.

— А может, нам копнуть? — оживился Комар.

— Да ты хоть знаешь, как надо курганное золото отмаливать?

— Нет. А коли знаешь, так поделись, — подзадорил Волков.

— Надо прежде молитвой дьявола за-

клясть. Заклинаем тя, дьявола Люцифера, тьмы князя града ада геенского и всех с тобою — злых нечистых дьявольских духов живым своим истинным богом Господом Иисусом Христом, сыном божиим и сыном Марииным, алфю и омегою, от сего часа и минуты, да изыди от сего места и со всеми своими нечисты духи, невидимо нами рабами божиими, на сух лес, на желты пески синяго моря-акияна. Аминь! Аминь! Аминь!

— Ну, вот со словом божиим и копнем! — обрадовался Федя Комар. — А? Копнем завтра? На денек призадержимся. Снег еще не скоро падет.

— Усостили меня старики, когда узнали, что раскапываю я могилы в степи. Пригрозили: будешь копать — от церкви отлучим. Ладное ли дело, христианское ли — брать богатство, трудом своим не обретенное...

— Да я бы отмолил потом грех! — не унился Комар.

— Будет тебе подбивать меня на недоброе. Да и не возьмем мы золота здесь — лада-на у нас нет, чтоб клад окуривать. — Степан помолчал и, что-то вспомнив, добавил. — Их, курганов, тут в степи столько, что никакого ладана окурить не хватит.

В Томске Костылева и его друзей встретили неласково. Козлов ждал могильного золота, а ему на стол положили какие-то камни. Но уже ходили слухи по Сибири о царской привилегии горной тем, кто нашел руды. Костылев требовал награды за медный прииск, а комендант отмахнулся, не побоялся слов царского указа, гласившего: «а тем, которые изобретенные руды утаят и доносить о них не будут, объявляется наш жестокий гнев, неотлучное телесное наказание и смертная казнь».

Рудознаты перезимовали в Томске, а весной снова махнули в предгорья. Обшарили знакомые места и на новые оплывшие ямины вышли. Хотели снова вернуться в Томск, но не утерпели или побоялись прямой встречи с Козловым и крикнули в Чаусском остроге «слово и дело государево». И не миновали рудознаты встречи с томским комендантом. Томский ландрат Викула Греков в начале 1720 года доносил ближнему стольнику и Сибири губернатору князю Алексею Михайловичу Черкасскому: «...отписал в Тобольск из Томска комендант Василий Козлов и прислал двух колодников крестьянских детей Степана Костылева, Федора Комарова и с томским дворянином Иваном Старковым. А сказали они Степан и Федор в Томском уезде в Чаусском остроге прикащику Федору Вишневецкому за собою великое царственное дело, а какое царское дело за ними есть, того они в Томску и в Тобольску не сказали, а сказали они в допросах, что скажут они самому царскому величеству... Мы о том в Томске разыскивать не стали и послали мы их в Тобольск, заклепав в кандалы и велено им в дороге бережь накрепко, а в Тобольске явиться и сию отписку подать и подлинная отписка за рукою коменданта Василия Козлова».

Ландрат Викула Греков на записке

своей пометил: «Колодников принять и расспросить». В Москве объявивших «царственное дело» допрашивал сам губернатор Сибири Черкасский. Князь Гагарин уже год как сидел под следствием в петербургской тюрьме. Но и Черкасскому не повезло — не раскрылись сибиряки, а требовали: «про великое царское дело сказать невозможно, а скажет, он, Костылев, в Санкт-Петербурге самому царскому величеству».

Федор Комаров на допросах говорил те же речи.

Колодников записали в книгу и отослали вместо Петербурга в Преображенский приказ. На дворе стоял март 1720 года. В Преображенском прилежные и любознательные дырки должны были, не стесняя себя учтивостью, проверить — не заврались ли мужики, не возводят ли хулы на государственного человека Василия Козлова. От пыток рудознатов спас Василий Никитич Татищев. Князь Черкасский рассказал ему о находке томских крестьян и даже передал алтайские образцы руды. Накануне допросов с пристращением на дыбе и на огне подоспели из берг-коллегии результаты анализов той руды. Сообщалось — в камнях костылевских обнаружен «медный признак». Василий Никитич направлялся на Урал руководить горными заводами. Вместе с ним до Уктуса следовали и Костылев с Комаровым. В дороге и поведал Костылев горному начальнику о золотых горошинах с берегов алтайских рек.

В третий раз Костылев пошел к алтайским предгорьям с рудоплавильным мастером Каменского завода Федором Инютинным. Так решил Татищев. Ко времени появления Василия Никитича на Урале Демидовы уже прочно внедрили в этот благодатный край. Двадцать лет — срок вполне достаточный, чтобы почувствовать себя хозяином горнозаводской державы, не принимать всерьез какого-то капитана от артиллерии, назначенного горным начальником. Татищевская уверенность в возрождении казенных заводов находит самую неприкрытую враждебность со стороны Демидова-младшего. Но за капитаном стоит берг-коллегия. Она принимает решение: «Демидовым быть послушным указам Татищева».

Приструнивая Демидова, Татищев не забывал цели своего появления на Урале. Помимо разведки и добычи железных руд, Василий Никитич организовал поиски меди и серебра, необходимых для чеканки денег. Россия все еще без валютного металла. Действия горного начальника взволновали Акинфия Демидова не на шутку. Да к тому же ему стало известно, что вместе с Татищевым на Уктусский завод прибыл и Степан Костылев и что задержался он там ненадолго, а вместе с Федором Инютинным командирован на Алтай... Акинфий поспешил на совет к отцу, но тот решил — ничего не предпринимать, надо выждать.

Затаившись, старший Демидов улучил подходящий момент и ужалил неугодного капитана Татищева. На начальника Уральских горных заводов поступил донос. Он обвинялся во взяточничестве. Рассмотрение дела

в Сенате закончилось тем, что Демидова обязали выплатить Татищеву шесть тысяч рублей «за обольщение». Татищев был оправдан и оставлен на Урале, но руководство заводами перешло к Геннину. Здесь пути Татищева и Костылева разошлись на несколько лет, Степан ушел на Алтай с Инютиным, а Татищева командировали в Петербург.

Инютин осенью возвратился в Тобольск и представил в канцелярию губернатора камни, принесенные с Алтая. Анализ показал — нет в них и следов «медного признака! Значит, Костылев солгал? Но вскоре пустые, безрудные камни Федора Инютина наполнились иным, далеко не медным содержанием. Костылева выручил его рудный побратим Михайла Волков. Оказывается, в предгорьях Алтая участники похода за рудой крепко повздорили. Костылеву весьма не понравилось поведение рудоплавильщика — Инютин близко снюхался с бугровщиками. Они живо заинтересовались казенным представителем еще на подходе к древним курганам. На такое внимание к персоне Инютина у бугровщиков были причины особые. Они давно занимались поисками не только могильного золота. На древних чудских выработках счастливчики находили серебряные и золотые самородки. Они вымывались водой на рудных отвалах тысячелетней давности. Бугровщики смекнули: позволим сейчас Инютину унести здешнюю руду в Томск или Тобольск — значит подружим под собой злато-серебряный сук. Вслед за Инютиным сюда нагрянут казенные рудокопы и... прощай счастливый промысел! Бугровщики решились на проверенное средство — дали взятку. Инютин, как сообщал Волков, получил четыре сотни отступных и понес в Тобольск пустую почву. Не сомневался мздоимец, что ему, казенному рудокопу, веры будет больше, чем какому-то блудному мужику Костылеву. Весть волковская дошла до Татищева. И Волков и Инютин были срочно доставлены в Кунгур на очную ставку. Инютин не забыл последних слов петровского указа — за утайку руд следует смертная казнь. Не признался он в поклоне на Костылева, не признался и в подлоге. Пока ждали главного свидетеля — Степана Костылева, Инютин изловчился и ушел из-под стражи. Однако Татищев не очень огорчился. Что Инютин, когда Костылев появился и снова готов пойти на Алтай. И он может вернуться оттуда с тем, о чем мечтает сам российский император — золото доставит. Горный командир посылает с Костылевым Никиту Петрова и обрусевшего немца Прифцена. Русские окрестили его на свой лад — Бривцын.

На сей раз рудоискатели не смогли добраться даже до Алея.

Возвратившись, Костылев продиктовал писарю: «Не поехали к горам с Бривцыным и Петровым, опасаясь орды калмыков, кочевавших по Алею, степи выгорели, корму мало, зимовать нельзя».

В 1722 году Василий Никитич Татищев на время покидает Урал. Разговоры о золоте и серебре при новом начальнике как будто затихают, но в Петербурге ждут ответа: есть

алтайское золото и серебро или их нет? А для Акинфия такого вопроса не существует. Он знает — есть!

Инютин не исчез бесследно. Он объявился у Акинфия Демидова. Беглец лишь подтвердил то, о чем догадывался и догадывался давно его укрыватель. Но подступиться к чудским копам — к самородным драгоценным металлам — он не может. Татищев мешает. Василий Никитич представляет на Урале и в целой Сибири царевы заводы и не дает размахнуться частному заводчику, да к тому же еще и строптивому. И так, Инютин знает об алтайском серебре и золоте с 1720 года и даже обещает Петру найти эти долгожданные металлы. В 1722 году царь, находясь в Персидском походе, шлет из Кизляра уральскому заводчику свой портрет на эмали и письмо: «Демидыч! Я заехал зело в горячую сторону, велит ли бог видетсья? Для чего посылаю к тебе мою персону: лей больше пушкарских снарядов и отыскивай по обещанию серебряную руду...»

Обещание пока невыполнимое. Хоть и дошла до Демидова живая весть о самородных металлах, но рудоплавильщик Инютин не знает места рождения их. Об этом сообщал Волков: «Он тех мест не осматривал». Вот и потянулись к Степану Костылеву с разговорами демидовские приказчики, но сибиряк знает — с ними ухо надо держать востро. Задухновенной беседы не получается. Степану остается корить себя и сожалеть — зря послушал струсившего в степи Прифцена и поостерегся калмыцкой орды. Авось пронесло бы...

Зато Демидов не жалеет о том, что пригласил Инютина. Демидовские посланцы на Алтай — Матвей Кудрявцев и братья Кабановы — вернулись в Невьянск с рудой. С какой рудой — о том пока нет речи. Но выскалывала она в Колыванском хребте близ небольшого озера под горой Синюхой, надломившей спокойный горизонт предгорий.

Вряд ли сегодня кто-нибудь установит, в каком году побывали демидовские люди на Алтае впервые. Верить записке самого Демидова, поданной в Кабинет императорского двора, вряд ли можно. Он называет 1725 год. Алтайский историк Уманский считает, что демидовские рудознатцы появились на Алтае впервые в 1723 году. Почему, зачем побродило Демидову приврать два года — можно только предполагать. Называя 1725 год, он, вероятно, старался доказать законность своих поисков. Но Демидов умел прятать концы в воду. В данном случае он, пожалуй, спрятал не концы, а начала. Начало тайных экспедиций на Алтай. До 1723 года Акинфий молчит о меди с Колыванских гор. Когда же Татищева на Урале сменил Ван де Геннин, демидовский человек сразу же появился у него с надеждой получить разрешение на поиски руд в Томском и Кузнецком уездах. Что это? Ширма? Или нетерпение — поскорее узаконить свои находки на Алтае? Или желание выдать за свои находки рудознатца Степана Костылева? Скорее, все вместе. Но главное — застолбить место рождения руды не там, в горах, а в горной конторе!

Приказчики Демидова делают свое дело,

сам же он пока молчит и будет молчать о своих алтайских планах более двух лет. Однако сын Степана Костылева — Яков — не молчит. В 1725 году вместе с Леонтием Останиным он подает Геннину «Доношение о медных рудах, обнаруженных в восьми местах по чудским капищам, в Змеевой горе и других». Официальному лицу Геннину уже второй раз письменно напоминают об алтайских рудах, да еще и татищевские документы у него под рукой! Тем не менее птенец гнезда петрова помалкивает и хода делу не дает.

А знаменитый Демидов осмелел. Благо Татищева нет на Урале, в 1726 году он в Швеции. Акинфий ищет возможность поведать кое-что императрице напрямую и посылает ей напоминание о том, что Петром Великим было завещано Демидовым «к приискам медным и других руд иметь охоту». В том же прошении Демидов проговорился. Оказывается, по поручению его уже велась разведка руд в Томском уезде. Значит, приказчикам некоронованного царя Урала удалось выпросить у Ван де Геннина разрешение на такой шаг. Следует заметить, что в 1744 году, когда Демидова уличат в тайной добыче золота и серебра, он будет упорно называть 1725 год, как начало своих поисков в горах Колыванского хребта. А в начале января 1726 года он привез образцы руд в Петербург и лично поднес их императрице в присутствии Якова Брюса. Тогда же, в самом начале первого послепетровского года, Демидов подает второе прошение императрице и заявляет о своем возможном компаньоне — генерале Геннине. Зачем ему нужен государственный чиновник, видно из того же прошения: «...ежели где приищутся впрдь... серебряные, золотые руды, чтоб нам копать их, а другим в те места для копки руд и построению заводов мест не отводить». А места те, если вчитаться в первое прошение, — это берега рек Алея и Чарыша. Как раз те самые, которые дважды опробовал Степан Костылев.

16 февраля 1726 года судьба алтайских руд была решена в пользу Акинфия Демидова. Имя Степана Костылева — первооткрывателя месторождений меди, серебра и золота — будет забыто на двести лет. Да и сегодня о нем знают очень и очень немногие. Костылев терается в тени фигуры состоятельного предпринимателя. Но зачем, кстати, Демидову нужен такой компаньон, как Ван де Геннин? Ответ прост. Валютные металлы имеет право добывать только государство. Так определено в российских узаконениях. А Ван де Геннин лишь государственное. Авось, приищутся золотишко либо серебро, и в компании с государственным представителем ими займется Демидов. И горный командир Геннин тоже не прочь заработать. Слова «коррупция» тогда не знали, но государственная власть всегда искала пути к сращиванию с капиталом частным. Маленький человек — Степан Костылев — ни сном, ни духом не ведал, какие преграды стоят перед ним как первооткрывателем. Ван де Геннин просто не дал ходу его заявкам. Если эти документы появятся в Петербурге, а Геннин

обязан по служебному статусу передать их в берг-коллегию, то путь на Алтай для Демидова закрыт!

И вот с помощью голландца путь расчищен. Демидов с 1726 года начинает орудовать в окрестностях горы Синюхи, ставит на речке Локтевке первый завод. Промышленник отчитывается перед столицей о выплавке меди, но очитать ее везет на Урал в Невьянский завод.

Далековато? Дороговато?

Демидов считает иначе.

Пробирный мастер берг-коллегии Иоганн Шлаттер «учиняет анализ» колыванским рудам и обнаруживает в них серебро. Неужели это конец демидовской власти на Алтае? Не тут-то было. Геннин все еще тешит себя надеждами на компаньонство в колыванском предприятии и потому опять не дает хода этим новостям. Ревизоры, посланные в 1732 году в Колывано-Воскресенские заводы, убеждаются, что «в глубине медное содержание переходит в серебряное», но берг-коллегия никаких решительных действий в пользу государственного интереса не предпринимает. Жалобы на своевольное поведение Демидова висят где-то на полпути к трону. Демидов неуязвим. Он поставляет империи прекрасное железо, из его отличной меди империя льет пушки.

В 1734 году на Урале наступили перемены. Геннина сменил Василий Никитич Татищев. Снова сибирские заводы под его началом. Где обретался до этого времени Степан Костылев, неизвестно, но он прослышал о приезде Татищева и торопится к нему с рудой. Руда снова алтайская. Татищев сообщает императрице о рудознате, который «подал другое (!) доношение о золотых и серебряных рудах, объявляя якобы о том, что напред сего подавал доношение к генерал-поручику (Геннину)... Токмо такого доношения и записки здесь не явилось». И добавляет в конце письма: все заявки Костылева на первооткрывательство «распропали».

У Татищева на сей раз новая инструкция императрицы, касающаяся и Колыванских заводов: «... ежели же усмотрите, что заводы Демидова медные для пользы нашей надобно взять на нас, то оные у него взять». Татищев добивается передачи Колывано-Воскресенских заводов в казну, но из северной столицы летит новый указ: «Колыванские заводы отдать обратно Акинфию Демидову, и впрдь Татищеву вовсе не ведать заводами его нигде».

Какими мощными рычагами ворочал Акинфий, выходя в придворной игре победителем — это останется тайной российского двора. Впрочем, не все кануло в Лету. Возврат заводов Демидову в 1735 году обеспечил временщик Бирон. Стоило это всего пятьдесят тысяч ефимков. Много лет спустя генерал-поручик Ганс Веймарн, анализируя деятельность Колывано-Воскресенских заводов,

Русифицированное название талера, европейской золотой или серебряной монеты.

уже взятых под крыло императорское, придет к такому выводу: «...все дела, служащие к уведомлению о содержании в тамошних рудах серебра (самородного сплава золота с серебром. — А. Р.), равно как и дела, которые о раннем приискании и нахождении государственных томских и ишимских обывателями в подаче имелись, особым хитрым пронырством из архивов... в пользу Демидова искищены».

Прочно осел на Алтае Демидов. Даже государственный человек Василий Никитич Татищев не смог его одолеть, но златосеребряного шила в мешке не утаишь. В 1744 году приказчики сообщили хозяину Колывано-Воскресенских заводов: исчез штейгер Филипп Трегер. В связи с этим исчезновением позже возникли разные легенды. И по-разному они толковали причину пропажи Трегера, прибывшего в Россию из Саксонии на зызычный голос царя Петра. Когда-то он вместе с прочими саксонцами искал серебро на Медвежьих островах, но не подфартило иноземцу, и он подался в службу к Демидову на Алтай. Говорят — в окладе его обогел хозяин или, и того хуже, был высечен по приказу Демидова за какие-то грехи. Может быть, Акинфий Никитич и рад был бы высечь саксонца, но было поздно. Трегер исчез. А он много знал и толк в рудах понимал. Трегер знал даже больше хозяина — чем богаты окрестности Колыванского завода. Саксонцу доверился рудоискатель Федор Лелеснов и показал ему камни с самородным золотом. Не только камни были показаны, но и место, позже точно и надолго названное горой Змеиной.

Трегер вынырнул в Петербурге. Уезжая с Алтая, он ставил на золотую карту и был уверен — хозяину крыть будет нечем. Видать, крепко был обижен немецкий рудоплавильный мастер, если за пять тысяч верст пути обида на преуспевающего хозяина не повытряхнулась на ухабах. Донес Трегер на Демидова. Не самой императрице, но до нее новости беглеца из Колывани дошли скоро. Дошли, скорее всего, через барона Штемберга. А чтобы не сомневалась царица, новости подкрепили рудными камнями. Золото в них было ясновидимое. С Алтая камешки... С демидовских заводов.

Исчез из Колывани Трегер, но ненадолго. Вернулся в свите бригадира Безра и победно поглядывал на демидовских приказчиков. Комиссия Безра приехала проверять демидовские грехи. «Повеlevаю вам, — гласил указ Елизаветы Петровны от 2 июля 1744 года, — на Колывано-Воскресенских заводах Демидова как серебряную и золотую руду, так и многие минералы, какие токмо найдутся могут, надлежащим образом осмотреть...»

Комиссия работала прилежно и даже побывала на горе Змеиной. Находки рудознатца Лелеснова привели Безра в восторг, но как же он будет выглядеть перед Демидовым, коли они давным-давно друзья? И если он, Безра, скажет правду в Петербурге, то прощай демидовские презенты... От необходимости говорить неправду Безра освободил сам

Акинфий Никитич. Находясь на Тульских заводах, он узнал — Безра закончил проверку и возвращается в столицу, но свита его поубавилась. От нее отделился пробирный мастер Иван Улих и направился в Невьянск, чтобы там лично присутствовать при выделении серебра и золота из колыванской черной меди.

Демидов был спокоен за результаты проверки своих рудников и заводов на Алтае. Он успел разыграть спектакль при дворе — явился к царице, рухнул в ноженьки с повинной и поднес слиток алтайского серебра весом в двадцать семь фунтов. Выцеловывая прощение, мошенник утверждал, что такие руды только-только явились счастливой находкой... Вмательства берг-коллегии в ход ревизии Акинфий тоже не боялся. Над берг-коллегией стоит барон Иван Черкасцов — личный кабинет-секретарь императрицы. Для непосвященных все формальности соблюдены. Правда, Демидов прислушивается к разговорам и кривотолкам вокруг его Колывано-Воскресенских заводов, находясь то в Петербурге, то в Москве. После визита к императрице он был внешне безмятежен и уповал — явка с повинной его спасет. Но весть о том, что пробирщик Улих — он слыл в берг-коллегии самым вездливым и способным на такие же фокусы, как и Трегер, — едет в Невьянск, бросает Акинфия незамедлительно в дорожный возок и заставляет как можно скорее мчаться в сторону Урала. Видно, в самое тайное тайных Демидова — в Невьянские скрытые плавильни — мог заглянуть пробирный мастер, если Акинфий Никитич не вынес мысли об этом. Медлительность русских дорог усилила невыносимость положения. Демидов умер, торопясь в Невьянск, 5 августа в селе Иском на Капе. Через два года его алтайские заводы и рудники со всей прислугой рудоплавильной и челядью крестьянской перешли в собственность Кабинета Императорского двора. Такой лакомый край императрица делить не захотела ни с кем из российских промышленников. И первые пуды собственного золота, праведно обретенного не из-под международной полы, не на бирже, а в собственных недрах, Россия получила из демидовских алтайских рудников.

У писателя Сергея Маркова есть любопытная интерпретация древнерусского «Сказания о человекех незнаемых в восточной стране...» и особенно вот этих строк: «Вверх тоя же реки великия Оби есть люди ходят под землю иною рекою...» Сергей Марков истолковывает эти слова следующим образом: «Что же касается людей, ходивших с огнем под землю, то это рудные добытчики Алтая. Несколько лет назад в недрах Джунгарского Алатау был найден светильник XIV века — спутник чудского рудокопа. С подобными светильниками ходили под землю и древние горняки рудного Алтая». «Иной» рекой Марков называет Иртыш. Может быть, и справедливо его толкование древнерусских строк, если иметь в виду события раннего средневековья. Но относительно времен Степана Костылева «иной» рекой надо считать

Чарыш и его притоки. Именно Степан Костылев, остающийся для нас «человеком неизвестным», без мифического светильника ввел в недра Алтайских гор и всю демидовскую рудокопную рать, а затем и рать рудокопов Кабинета Их Императорских Величеств.

Справедливости ради следует заметить, что императорская фамилия получала из Алтайских рудников не одно золото, но и серебро. Причем, в преобладающем количестве. Это было обусловлено особенностями матушки-земли, сподобившейся при своем рождении соединить в сплав два этих элемента. Разделяя золото и серебро, Алтайские заводы питали монетный двор империи на протяжении полутора веков. Валютного металла — серебра, а таковым оно оставалось в России до 1895 года, в Петербург доставлялось от пятисот до тысячи пудов ежегодно. Добыча золота исчислялась куда более скромными цифрами — десятками пудов.

Чистоголосое заговорило алтайское золото в начале прошлого века, когда россыпные месторождения желтого металла были открыты сперва в окрестностях Змеиногорска, позже на реке Песчаной, а затем и на речке Фомичихе в отрогах Салаира. Через два-три года заявки об открытии золотоносных россыпей посыпались лавиной: на реках Бие, Лебеде, по Кондоме, по Мразсу, по Средней Терси... За пять лет, начиная с 1830 года, в реестрах Кольвано-Воскресенских заводов инженером-историографом Александром Кулибиным было подробнейшим образом зафиксировано пятьдесят восемь промышленно интересных россыпей. Некоторые из них эксплуатировались более ста лет. Можно представить только, какие грезы и мысли обуревали Кулибина, когда он, наклонясь над составленной им силой воображения картой, сливал в единый золотороссыпной пояс разрозненные составляющие, разметнувшиеся от Салаира до Иртыша. Пояс через Мариинскую тайгу простирался к востоку. Не знаю, видел ли молодой Кулибин, сын механика Императорской Академии наук, живя в Петербурге, оперу Гавриила Державина «Рудокопы». Но в том, что на кулибинской карте

сияла часть золотого венца древней жены — Сибири, в этом сомневаться не приходится.

Сияние последующих открытий и коренного и россыпного золота на Урале, в Забайкалье, по Енисею, на Лене и в Приамурье, конечно же, затмило блеск золота алтайского. Но оно было первым российским золотом, и вместе с его появлением надежда на избавление от мук золотого голода, наконец-то, обрела реальные черты.

В 1911 году Горный Департамент и Бюджетная Комиссия империи проводили совещание по нуждам золотопромышленности. Государственная дума затребовала сведения о перспективах развития отрасли, поскольку ежегодно добывавшихся 3000 пудов золота уже казалось мало. Корифеи геологии и финансов немало времени потеряли на выяснение вопроса — есть ли в Сибири и на Дальнем Востоке новый Трансвааль. Шли многодневные споры о перспективах золота в Приамурье, на Баргузине, по Олекме и Витиму. Когда очередь дошла до Алтая, члены Бюджетной Комиссии уделили этой рудной провинции, вошедшей во все учебники истории и геологии, всего несколько минут, констатируя: свободная золотопромышленность на Алтае гибнет, а Кабинет, через арендаторов, получает не более 20 пудов в год. К тому времени уже были погашены все сереброплавильные заводы на Алтае, а редкие драги, разбросанные по горным дебрям, дочерпывали последние крохи известных россыпей.

Р. С. В середине 20-х годов нашего века в бывшем горном городе Барнауле из аптек исчезли все градусники. Они были скуплены и разбиты, а ртуть пущена в дело новыми хозяевами жизни: десятки людей толкли и мололи, просеивали и снова толкли шлак Барнаульского сереброплавильного завода и с помощью ртути, уповав на удачу кустаря и профана, пытались извлечь из шлака то, что выплюнул в отходы златосеребряный век Алтая. Слава его — вся в прошлом.

«О ПОДВИГАХ, О ДОБЛЕСТИ, О СЛАВЕ...»

Почти на самом переломе весны к лету мне повезло быть участником события в городе почти незамеченного. Исторический факультет АГУ проводил свой ежегодный вечер. Самое главное впечатление, которое осталось после праздника надолго — это молодые лица, заполнившие самый большой конференц-зал Алтайского госуниверситета на ул. Димитрова. Полный зал историков! Будущих и состоявшихся, если иметь ввиду преподавателей: от молодых до восьмидесятилетних...

Позже, раздумывая о том, сколь многолик мир будущих носителей исторического знания, я попробовал выделить один вектор исследования — воинская слава Алтая до 1917 г. и, к сожалению своему, не вспомнил какой-либо заметной работы по этой теме. Разве что публикации Н.Я. Савельева в дни празднования 150-летия Бородинской битвы да история Барнаульского полка, опубликованная Н.Д. Ростовым. В том, что нет обширных и подробных работ — нет никакого моего упрека. Каждый историк оттачивает свой аналитический скальпель на оселке излюбленной темы. Должен еще раз отметить, что воинская слава дореволюционного Алтая к таковым не относится. Между тем, есть в Барнауле каменный свидетель воинского пути русских людей начала XX века.

...По праву свидетеля здесь мне необходимо вернуться в начало 90-х годов. Тогда в Барнауле еще никто и не думал о том, что училище военных летчиков будет ликвидировано весьма решительно и торопливо. Однажды я рассказал своему доброму знакомому офицеру летчику, как мы с оператором краевого телевидения и поэтом, капитаном II ранга Игорем Пантюховым весной 1988 пытались войти в Никольскую церковь и как нас встретил на пороге бывшего храма его тогдашний хозяин — начальник политотдела училища военных летчиков. Начальник, едва увидел телекамеру, распорядился: «Никаких съемок!» «Но ведь это же Никольский гарнизонный храм... — попытались возразить мы, — нам бы только на минутку, войти и снять эпизод...» «Здесь не храм. Здесь клуб» — отрезал полковник и кудрявая серая недогнутая папаха своим каракулево-стальным цветом подтвердила его волю. И он добавил еще: «Говорить с вами буду не здесь, а в политотделе». В его кабинете предусмотренные военно-партийным этикетом любезности быстро иссякли. Начальник был решительно против вмешательства гражданских лиц в жизнь солдатского клуба, в котором новоявленные идеологи начали крутить порнухи. Тогда же я вспомнил, как во время подготовки к Празднику славянской письменности и культуры оргкомитет предложил устроить в бывшей церкви концерт, в котором прозвучали бы духовные песнопения. И на это реакция политотдела была краткой: «Никаких песнопений!» В беседе с моим приятелем, военным летчиком, я посетовал тогда на неуступчивость администрации училища. Ну, не хотела она впускать кого-то «постороннего» в храм. На это мой собеседник заключил: «Ты сталкивался только с политотделом. Так? Так. А это еще или уже не все училище. И насчет того: отдавать или не отдавать церковь городу, у нас думают не так одноупорно, как в политотделе...»

Вот это и кажется мне самым существенным: думали иначе, но решить ничего не могли! Вроде бы десять лет прошло с тех пор, как миновали пре-словутые состояния нерешительности. И вот факт решительного поступка из «Летописи Барнаула» (из той ее части, которая пока не издана). «1991 г. май, 11. Впервые в истории города к нам прибыл Патриарх Московский и

всего Руси» Алексей II... Патриарх получил из рук начальника Барнаульского училища летчиков ключ от Никольской церкви, в которой размещался солдатский клуб».

Свершилось. Храму были возвращены честь и смысл. Но не горожане своим решением изняли из ограды военно-учебного заведения Никольскую церковь. Патриарх Московский и всея Руси Алексей II обратился к министру обороны и тот единым росчерком пера вернул церковь городу. Этим увенчалось движение немногочисленной общественности, так и не получившей права самостоятельно, без министров, решать местные спорные состояния. А ведь попытки некоторые предпринимались. Вот факт все из той же неизданной «Летописи Барнаула» «1989, май, 28. В городе прошел Праздник славянской письменности и культуры под знаком - архитектурный мартиролог Барнаула. С макетами разрушенных церквей участники праздника прошли от библиотеки им. Шишкова к Никольской церкви, где открыта доска, напоминающая: здесь храм, а не солдатский клуб...»

...Весной 1993 г. я водил барнаульских пятиклашек из 122-й школы в Никольскую церковь посмотреть, как художники Андрей Аристов и Владимир Коньков расписывали потолок и стены храма. Согласитесь, зрелище для барнаульцев редкое, если не уникальное. Растерянно оглядывались ребятишки. И сюжеты росписи им были неизвестны, и устройство храмовое. Но в окна, с которых уже были сняты каменные шоры, впускали под своды храма Божий свет, оживляя лики святых.

Впустив естество света в храмовое строение, давайте не забудем, что существует еще и свет национальной памяти.

«Храмозданная грамота» генерал-майору К. Холостову на строительство Никольской полковой церкви в Барнауле выдана Томской духовной консисторией 3 марта 1903 г. Тогда и утвержден закладной камень в основание храма. Строилась церковь по приказу военного министра А. Куропаткина. Это он в 1900 г. докладывал царю: «Представляется необходимым изыскать средства для постройки церквей при всех частях войск...» Министр называл такую меру как «самую насущную». Царь одобрил доклад Куропаткина, и тогда же был разработан типовой проект полковой церкви в 40 тысяч рублей.

9 февраля 1906 г. протоиерей А. Завадовский сообщил в Томскую консисторию военный храм во имя Святителя Чудотворца Николая освещен с участием протоиерея И. Попова и священников Н. Слободского, И. Горетовского, В. Златолучева. И вот с 1906 г. все, кто призывался на службу из Барнаула, принимали присягу в Никольском храме. Так было и с новобранцами, отправлявшимися на первую мировую. Об этой войне будет сказано позже, а пока я предлагаю вернуться в 1912 год к ступеням барнаульской полковой церкви. Тогда она была расцвечена праздничными штандартами, лентами и флагами. Над праздничной пестротой главенствовал транспарант «1812-1912». Город отмечал столетие Бородинской битвы. Каким образом окрестности барнаульских казарм на Полковой улице (ныне Партизанской) причастны к этому событию? Причастны напрямую так же, как и вся Россия.

В 1808 году из Барнаула к будущему театру военных действий ушел Томский мушкетерский полк, позже переименованный в пехотный. И совсем не исключено, что уходил он именно по Московскому переулку мимо того места, где через сотню лет одиноко возвысился Никольский храм (граница города в то время проходила по современной улице Анатолия). Не каждый день уходили из Барнаула полки в Европу, и это событие отразилось в летописи города.

Сибирские мушкетеры сражались под Бородино, часть полка удержала в тылу французов Бобруйскую крепость. Не менее героически проявили себя и сибирские гусары. Известно из материалов историка Н.Я. Савельева, что поручик К. Косовичев из Сибирского гусарского полка за Бородино представлен к ордену Святого Георгия. Вернулся на Алтай Косовичев еще и с медалью «За избавление России». Здесь, думаю, уместно будет напомнить историю учреждения ордена.

Георгиевский орден учрежден Екатериной II в 1769 г. Первый орден императрица повелела возложить себе на грудь... По настоящему награждались им офицеры за боевые подвиги. Орден Св. Георгия подразделялся на четыре степени, причем первый раз выдавалась низшая четвертая степень, в следующий раз более высокая 3-я, далее 2-я и, наконец, совершивший четвертый выдающийся подвиг мог быть представлен к награждению орденом Св. Георгия 1-й степени. Для награждения солдат и унтер-офицеров в 1807 г. Александр I учредил особый серебряный Георгиевский крест, имевший одну степень и носившийся на оранжево-черной «Георгиевской» ленте. Именно этой награды была удостоена знаменитая «кавалерист-девица» Н.А. Дурова... В середине XIX века солдатский Георгиевский был подразделен на четыре степени (1-я и 2-я - золотые, 3-я и 4-я - серебряные).

...Земляк Косовичева 3. Рукавишников воевал в составе Нежинского пехотного полка. Представлен к ордену Георгия, но получить его помешало ранение. Награду Рукавишникову вручили уже на Локтевском заводе, когда война отгремывала.

В Крутоберезовской волости теперь это территория Казахстана по р. Убе, после Великой Отечественной 1812 г. хлебопашествовали три кавалера солдатского Георгия: И. Леонтьев, И. Русаков и С. Смольников, а в селе Верх-Ануйском такой же орден украшал грудь Г. Боровицкого. Называя немногочисленные имена, осмелюсь предположить, что среди воинов с Алтая, награжденных медалью «В память 1812 года», Георгиевских кавалеров было гораздо больше, чем известно сегодня. Но кто нашел их в архивных слоях? Вот потому и поразил меня конференцзал АГУ, наполненный историками...

Некоторые материалы для данной статьи я опубликовал в краевой газете двенадцать лет назад. Но вопросы, заданные в статье, так и остались неотвеченными по сей день. Вижу смысл вернуться к ним. События Отечественной войны 1812 года и её значение ныне приглашены в Сибирь. Подтверждением тому слабоактивная попытка отметить в Барнауле 190-летие Бородинской битвы. Кроме молодых кадетов мало нашлось барнаульцев, пришедших в библиотеку Шишкова на выставку почтить память героев Бородин. Могли бы взять на себя эту роль организующую военные летчики, но нет их ныне в Барнауле училище расформировано, а в его стенах теперь обучают милиционеров. Не нужны стали стране боевые соколы, куда нужнее оказываются милиционеры, как послушная внутригосударственная сила...

Вернусь к 1812 году. Масштабы и угрозы того памятного для мира года вполне сопоставимы с тем, что угрожало нам в 1941 году. Героям и участникам войны с фашизмом воздано, если не сполна, то в известной мере. Так же как и «афганцам», в затылок которым смотрят неназванные участники войны в Чечне. А за что, за какие города и хаты сражались сибиряки в 1812 году и почему мы не знаем, не помним их имена? Кроме, разумеется, тех, что прославлены в учебниках, фильмах и романах, есть еще имена, так сказать «провинциальные», погребенные под слоем национально-го небрежения. Им не повезло.

Еще в большей степени не повезло сибирякам героям первой мировой. Их имена затмил блеск буденовских сабель. Даже участники брусилковского прорыва остались в тени революций 17-го года. Война 1914-1916 годов для нас это и поныне самая неизвестная война. Был повод вспомнил я об этом в беседе с краеведом В. Гришаевым. Вспомнил да и спросил: много ли у нас на Алтае Георгиевских кавалеров первой мировой? «А никто их и не считал», ответил краевед и принял считать ему известных: «Тибекин Павел Демьянович полный кавалер, он из села Осколково, теперь Алейского района; у Ефима Мамонтова два ордена Георгия, Кожин Никита - полный кавалер, Кайгородов Александр Петрович полный кавалер...

Найдутся и теперь ревнители большевистского будущего, воскликнут: «Эт какой Кайгородов? Белогвардеец? Да. Тот самый белогвардеец. Но, прежде чем уйти в Монголию с 37-ю штывками, и прежде чем оказаться противником большевиков, и Кайгородов, и множество других уходили на первую мировую. И не исключено, что, уходя, присягали на верность Родине в барнаульской Никольской церкви.

Мне не известно, откуда уходил на фронт участник первой мировой Архип Иванович Бубенин из села Карболиха Змеиногорского района. К 1917 г. он имел полный Георгиевский бант. Один из орденов он получил за спасение полкового знамени. В некогда знаменитой Барановке того же района (бывший колхоз им. Шумакова) жил Григорий Репин - то же Георгиевский кавалер. Его земляк Панкратий Вагантьевич Немцев до войны жил в далекой, запятойной в горах Покровке Чарышского района. Накануне Октябрьского переворота он тоже имел четыре солдатских Георгия. После революции Немцев оказался на Алтае в партизанском отряде, участвовал в боях на сопке Малиновой, в Чарыше, Тулате. По сути противник лагеря Кайгородцев. Еще в 1954 Панкратий Вагантьевич Немцев возглавлял пчеловодческую базу района. Попытка получить фотографию Немцева через районный музей пока успеха не принесла. А ведь еще в 60-м году был такой снимок - Панкратий на нем при всех наградах... Остается надеяться, что на эту публикацию отзовутся его родственники из Покровки.

...У автора первого проекта храма Христа Спасителя в Москве архитектора Александра Витберга был прекрасный замысел - собрать прах всех российских воинов, погибших на полях войны 1812 года под своды храма на берегу Москва-реки, а на его стенах начертать имена всех участников сражений. Мы в чем-то приблизились ко второй части этого замысла на городских и сельских мемориалах войны 1941-45 гг. Но ни в

одном музее на Алтае не встретил я специальной, выделенной экспозиции, посвященной героям-сибирякам, воевавшим против армии Наполеона, а что уж говорить о русско-японской войне 1904-06 гг., а тем более о войне первой мировой. В лучшем случае можно встретить несколько фотокопий снимков тех лет. И, тем не менее, например в фондах военно-исторического отдела Алтайского краевого музея, больше известного в городе как «дом афганцев», хранятся боевые награды дореволюционной поры и среди них два солдатских Георгия 4-й и 3-й степеней. Но они в сундуках фондов, а не в экспозиции...

Заведующая военно-историческим отделом музея Надежда Александровна Лямина рассказала мне историю весьма примечательную. Разговор происходил, когда мы рассматривали фотографию Гавриила Анемподистовича Галдина георгиевского кавалера орденов 4-й и 3-й степеней. Судьба этого героя трагична. Бывшего поручика царской армии Галдина арестовали в пос. Доброволец Змеиногорского района, увезли в Барнаул и 25 ноября 1938 г. расстреляли. К счастью, не всех кавалеров ордена постигла такая участь. Как рассказывала Надежда Александровна, однажды она пригласила на встречу со школьниками участника Сталинградской битвы полковника ФСБ в отставке Федосенко Петра Ивановича. Встреча прошла у стендов, посвященных Великой Отечественной. А потом Петр Иванович уже в кабинете научных сотрудников достал из кармана четыре солдатских Георгиевских креста... Полный бант! На вопрос Ляминой «Чи это награды?», полковник ответил: «Моего отца - Ивана Федосенко. За первую мировую...

...Увы! Федосенковский полный бант солдатского Георгия в музее не остался.

На Алтае не раз выходили книги о героях войны с фашистской Германией. Одна из них так и называлась «Боевая слава Алтая». Сегодня еще не поздно озадачиться вопросом - а наши предки, участники всех предыдущих войн и удостоенные боевых наград - разве это не боевая слава Алтая?!

Несколько лет назад я предлагал барнаульским архитекторам разработать проект сквера Георгиевских кавалеров, обсуждал этот замысел с настоятелем Никольского храма, поскольку предлагал разместить стелы с именами героев на осевой линии Ленинского проспекта прямо напротив входа в церковь. Архитекторы, начиная с главного в городе, патристическим не воспылали, а церковное начальство поставило на замысле крест. В прямом смысле. Во дворе Свято-Никольской церкви поставлен большой деревянный крест в память обо всех погибших на всех войнах. Я уважаю христианские обетные традиции. Но в обряде воздвижения данного креста, в его последующем стоянии у храма есть определенная анонимность. На нем не напишешь имена героев войны 1812 года, войны первой мировой, составлявших боевую славу Алтая до 1917 г. Анонимности можно избежать, только назвав имена! И лучше на камне, чтобы избежать от искушения любителей цветмета. Утверждать реально былую боевую славу надо именно со сквера Георгиевских кавалеров у Никольского храма. И вот почему. Эта церковь с самого своего основания не являлась приходской. Вот документ из Центра хранения архивного фонда Алтая (ФР. 531. Д. 61, л. 20): «Никольская церковь вместимостью до 700 человек до 1919 года служила исключительно для частей войск гарнизона г. Барнаула...

Сегодня в дни двенадцатых православных праздников я вижу у храма много военных фуражек и людей в форме казаков. Может быть они и не помнят слов старого сибирского казака Семена Ульяновича Ремезова, но к храму тянутся, надеясь укрепить и утвердить себя душевно. А казак Ремезов в начале XVIII века говорил и писал: «Душу имей аки воеводу, тело аки воина, дабы воин воеводе во всем покорен был, а не воевода воину». Осмелюсь утверждать, что дух воеводы на Руси утверждался не только именем Христовым, но и долгоживущим культом Св. Георгия. Култ, а по латыни «культус» означает ни что иное, как «поклонение». Отсюда и словцо прижившееся в русском «культура». Так вот, если существует культура национальной памяти, поклонение ей, то начинать нужно с имени, получившего широчайшую народную признательность. Именно таковым и был для русской души воитель - Егорий Георгий. Образ его сопровождал русских воинов со времен Ледового побоища. И задолго до того, как был утвержден статут ордена, изображение Св. Георгия появилось на наградных монетах. Вот что писал об этом в 1591 г. английский посол Джайлс Флетчер: «Тому, кто отличится храбростью перед другими или окажет какую-либо особенную услугу, царь посылает золотой с изображением Св. Георгия на коне и это почитается самой большой почестью, какую только можно получить». И вот еще одно подтверждение высокочтимости и народности образа Св. Георгия. Когда орденом награждались не

православные, а иноверцы, в большинстве своем мусульмане, то вместо всадника на специальных экземплярах изображался двуглавый орел. Но герои-мусульмане требовали, настаивали, чтобы их награждали крестами не с орлом, а с «джигитом».

Насколько прочно в сознании людей даже неординарных укоренился образ Св. Георгия можно судить по памятнику Петру I на Сенатской площади в Петербурге. Даже насквозь западно мыслящий Морис Этьен Фальконет в своем шедевре процитировал общехристианскую легенду. Правда, петербургский «джигит» Петр I не поражает копыем змия, но конь под императором попирает гада копытом...

Вернуться к замыслу о сквере Георгиевских кавалеров в Барнауле меня заставили не только новые для меня имена героев, которые я открыл для себя в архиве или в музее. Я вспомнил свой студенческий Томск и Лагерный сад. Сколько сибирских полков ушло из него на Отечественную войну 1812 года? Вспомнил набережные Иртыша, Енисея, Ангары. И с этих берегов уходили защищать Отечество и в 1808 г., и в 1904, и в 1914-м.

Уважаемые читатели! Уберите из моих заметок слово «Барнаул», замените его на Томск, Красноярск, Омск, Иркутск. Вспомните своих кавалеров Георгиевских. Многие из них, надеюсь, названы в четырех томах капитального труда «Георгиевские кавалеры», составленного Шиловым, и вышедшего в Москве 10 лет назад. Какое славанное созвездие имен высветится на Сибирском небосклоне! Я приглашаю к исследованию историков из всех сибирских городов, в том числе и тех юных историков, что наполняют залы в день факультетских именин. А из Новосибирска я приглашаю отозваться Олега Владимировича Левченко. Сотрудник мэрии он давно на свой лад и небезуспешно занимается георгиевской темой. И не во всяком городе вдруг будет создан свой Георгиевский сквер. То архитекторы удила закусят, то власть не сразу отзовется на проект решительным делом. И пока скверы или мемориалы в замысле, можно ведь его утвердить и словом. Для этого и предлагаю на страницах областных и краевых журналов, а главное в «Сибирских огнях» открыть рубрику «Сибирская галерея Георгиевских кавалеров».

Р.С. Указом президента РФ 8 августа 2000 года статут ордена Св. Георгия восстановлен. Но к этой награде в последние годы никто не представлен.
